

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

на диссертацию Сергея Сергеевича Жданова

«Пространство Германии в русской словесности конца XVIII – начала XX века»,
представленную на соискание ученой степени доктора филологических наук.

Специальность 10.01.01 – Русская литература

У И.А. Бунина в рассказе «Старая песня» («Маленький роман», 1908) говорится, как юноша пытался увлечь свою собеседницу интересной историей. Молодая дама, меж тем, была недовольна, торопила и прерывала своего ухажера. Герой, вспоминая о своём приключении, начинает так: «Лакеи, приседа, стучали тяжелыми тарелками, раскладывали их по столу; два немца, скованные узкими модными костюмами и высокими воротничками, рассматривали свои письма, счеты и с величайшим трудом поворачивали головы с короткими, прилизанными волосами». Здесь она перебивает:

– Да нет, милый, вы серьезно рассказываете!

– Самым серьезным образом.

– Да, но совсем не о том. Мне это ужасно нравится, но сейчас мне не до немцев.

– *А без немцев я не могу.*

– Ну, рассказываете, как можете.

– Ну, так вот я и говорю: сидели немцы, слышался глухой и неравномерный грохот винта» <...> и т.д.¹

Анекдотический пример необходимости «немцев» в повествовании, фабула которого состоит из нарочито русских «усадебных» реалий, является прекрасной, хотя до карикатуры упрощённой и вывернутой наизнанку, иллюстрацией известной формулы Бориса Гройса «Россия как подсознание Запада»², точно описывающей опыт конструирования субъектом «выносных» точек зрения на самого себя. Удалённая из большой истории еще Гегелем, Россия делается, по мысли Гройса, неким внеисторическим умолчанием, alter ego для западного наблюдателя. Однако в статье философа ничего не говорится, о том, что на противоположном полюсе взаимодействия ассоциированный с Европой субъект приводит в действие обширную и имеющую отчетливо компенсаторную природу номенклатуру таких вот, как у Бунина, «обязательных немцев» или, в иных терминах, «конституирующих Других», которым сообщена задача осмысливать и рационализировать второго, «не-европейского», участника этого большого культурного диалога.

Немец – по аналогии с гройсовским русским как «подсознательным Запада» – делался несомненным подсознательным России, ее выносной автометапозицией, позволявшей ус-

¹ Бунин И.А. Старая песня // Бунин И.А. Полн. собр. соч.: в 6 т. Т. 4. М., 1915. С. 81.

² Гройс Б. Россия как подсознание Запада // Гройс Б. Утопия и обмен. М., 1993. С. 245-259.

пешно продвигать самые разные смыслы. Доминантой здесь был в первую очередь, конечно, антагонизм: начиная от беспрецедентного – чисто мифопоэтического – наименования «немцы» (отмечено диссертантом на С. 269), вытеснившего потенциальное «германцы», а также резко контрастирующего с этно-географическим детерминизмом принятых аналогичных наименований (по типу «поляки», «французы», «англичане» и т.д.), продолжаясь далее в идиоматике («что русскому хорошо, то немцу смерть», «кино и немцы» и т.д.) и наконец доходя до сложных дихотомических конструкторов на манер Штольца, в котором «немецкое» мыслится как прагматическое присоединение созидательного *дела* и тренированного *тела* к аморфной славянской *душе*. Разнообразные трансформации «немецкого» дискурса, вызванные военными союзами XIX-го и столкновениями XX-го столетий, представляют, по-видимому, огромный и самостоятельный предмет исследования, позволяющий выделить и описать череду нанесённых друг другу травм, выпестованных взаимных комплексов, подозрений, фобий, ресентиментной гордыни и т.д. – и всё это на фоне открытого геополитического и экономического тяготения друг к другу, совпадения «ритмов» развития национальных мифов, похожести их ключевых символов, утопии династического единства Романовых и Гогенцоллернов, полувекового вхождения Восточной Германии в суперструктуру СССР (а куса Восточной Пруссии, уже на постоянной основе, – в нынешнюю Россию), наконец наличия объективно мощного славянского субстрата в немецкой и немецкого – в русской культурах.

Принимая во внимание все эти обстоятельства, об **актуальности** представленной диссертации можно говорить как о деле самоочевидном. Или, по-другому, приходится удивляться, что до сего дня отсутствовал труд, в котором «немецкий текст», хотя бы на его моделирующем пространственном уровне, был бы целостно освещён и осмыслен. Все-таки массив историко-литературных компаративистских работ (как книги и статьи Ростислава Данилевского и Галины Тиме) связан с несколько иными задачами. В данном же случае перед нами именно имагологическое исследование, закономерно появившееся в координатах томской литературоведческой школы, поддержанное и самой местной традицией изучения геокультурных миров, и инфраструктурой томской филологии, включающей в себя специальный научный журнал «Имагология и компаративистика».

В этом контексте С.С. Жданову удалось **впервые** – целостно и последовательно – реконструировать пространственный образ Германии в том виде, в каком он был создан русской литературой классического периода. Неудивительно, что в сердцевине теоретического инструментария диссертации расположена программная статья В.Н. Топорова «Пространство и текст» (1983), на которую автор сослался 17 раз. Другим внимательно прочитанным классиком выступил для соискателя Гастон Башляр – создатель пионерских работ о феноменах топографического и вещно-предметного миров. Разработанные тем и другим аналитиче-

ские приёмы соединены с бахтинским видением пространства героя: таким образом С.С. Жданов формулирует человекоцентричный («антропный») мирообраз Германии как фундаментальный предмет своего интереса. Карта узловых мест немецкого пространства, охваченная интегрирующим взглядом исследователя, предстает перед читателем в своей целостности едва ли не впервые в отечественной науке – и это одна из ярких, сильных и подкупающих сторон рецензируемой работы, придающая полученным в ходе анализа результатам существенную научную **значимость**. Мы словно воочию видим сценки у границ немецкого государства, в его столице Берлине, на поверку оказывающемся весьма близким по своей умышленно-функциональной сути нашему Петербургу, в карнавальных или, как пишет С.С. Жданов, «глюттонических» локусах трактира, курорта, филистерского дома и т.д. Вся первая глава диссертации подчинена задаче придать системный облик знаковым местам немецкого пространства, типологизировать реакции русских путешественников, проехавших по немецким дорогам или посетившим, допустим, немецкую почту.

Другое дело (позволим здесь себе небольшую ремарку), что исследователь литературного травелога принуждён всякий раз отвечать себе на вопрос, что он изучает: культурно-историческую реальность, донесенную до нас записками путешествий как документами эпохи, или же специфику самих травелогов как художественных текстов по преимуществу? Об этой развилке упомянул в своей известной книге Андреас Шёнле: если Радищев видел в крестьянах «детей природы», т.е. придавал им свойства эссенциальной естественности, то Карамзин смотрел на них как на «пейзан», стремясь использовать в своих писаниях скорее как литературных героев и веря в то, что «единственным существующим порядком бытия является то, что происходит от слова»³. Художественное преобразование объекта отчасти отражено диссертантом, предложившим на С. 9 подразделять «четыре основных мирообраза Германии: 1) сентименталистский, 2) романтический, 3) условно-нейтральный (фактографически-бытописательный), а также 4) травестийно-смеховой». Однако же эта в целом верная стратегия не нашла своего воплощения в оглавлении, где безраздельно властвует именно наблюдаемый объект, а не художественный модус: границы, дороги, столица, курорты, деревни, парки, оранжереи, леса, горы, дом, а также социальные статусы и профессии (филистеры, бурши, офицеры, ученые и т.д.) – эта обширная выписка иллюстрирует те имагологические вехи, по которым предпочитает двигаться соискатель.

Необходимым акцентом на эстетике травелогов становятся в работе интересные частные наблюдения о «дерутинизации» и «остранении» (см. С. 24), свойственных художественному наблюдению за эмпирикой.

³ Шёнле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий 1790-1840. СПб., 2004. С. 71.

Другой особенностью рецензируемого исследования, обусловленной его преимущественно парадигматическим акцентом, является эффект наложения друг на друга разных исторических эпох. Представляется в этой связи, что работе не помешали бы указания датировок текстов, даваемые в скобках (особенно в начале диссертации), т.к. читателю иногда трудно разграничивать германское пространство до объединения, в процессе такового, а также после, когда на европейском континенте возникла совершенно новая политическая реальность, заставившая и Россию сместить акценты и начать спешно готовить почву для союза с Францией. Насколько подобные исторические метаморфозы значимы для *образа* Германии в русском опыте его создания и восприятия – судить, конечно, автору.

Перечислю несколько, на мой взгляд, исключительно продуктивных наблюдений, сделанных С.С. Ждановым. На С. 48 читаем яркую мысль об идеологической связке Германии-идиллии и Германии-тюрьмы. Замечание крайне важное: оно с учетом привлеченного материала по-новому артикулирует фукольдланскую, «дисциплинирующую» грань произошедшей в XVIII-XIX вв. русской модернизации, которая на своем начальном этапе, при Петре I, и на конечном, при большевиках, имела откровенно силовой характер. Однако имагологический аспект процесса заключается в том, что ответом популярной культуры на этот процесс стало создание обширного (хотя и довольно аморфного, едва ли не «подсознательного» в терминах Гройса) мифа о «немецкой» династии, «немецком» госаппарате и т.д., о чем, кажется, лучше всех сказал в «Двойнике» Достоевский своим Рутеншпицем-шпицрутеном. В этой перспективе особое значение приобретает обширно цитируемая диссертантом статья Герцена «Русские немцы и немецкие русские» с ее словами: «...немецкая часть правящей у нас Германии имеет чрезвычайное единство во всех семнадцати или восемнадцати степенях немецкой табели о рангах» и т.д. (см. С. 198). Правилам этого дискурса подчинена приводимая здесь же, на С. 198-199 выписка из романа «Бесы»: «Андрей Антонович фон Лембке принадлежал к тому фаворизованному (природой) племени, ...которое, может, и само не знает, что составляет в ней всю свою массу один строго организованный союз». Комментируя эти высказывания Герцена и Достоевского, относящиеся к самой сердцевине «немецкого текста» русской культуры, соискатель использует сложный категориальный аппарат, включающий в себя понятия «антропность», «гомогенность» и др. На мой взгляд, реалии здесь не так сложны: приобретённые вследствие победоносной Северной войны остзейские земли, на которых начался уже промышленный переворот, дали России, помимо немецкоговорящей аристократии, еще и массу немецких же врачей, студентов, их профессоров, коммерсантов и простых ремесленников. По неотменяемому правилу «этнизации социальных отличий» (ср. работы Марины Могильнер и Юрия Слёзкина) эта социо-историческая группа была в сильной степени этнизирована, ее «немецкость» была превращена в неотчуж-

даемое свойство, а сам дискурс начал функционировать примерно так же (хоть и с меньшей степенью остроты), как в случае с чертой оседлости и народом, обитающим за нею. Этими же факторами, несомненно, обеспечена и отмеченная С.С. Ждановым «закрытость» немецкого дома как его видит русский наблюдатель (см. С. 203), т.е. то качество жилища, которое может быть определено словами Ю.М. Лотмана как «чужой дом на своей земле». Сюда же можно отнести и немецкое первенство в изготовлении кулинарных эрзац-продуктов – того, что соискатель анализирует под именем «немецкой гадости» (С. 69). Понятное дело: искусственность общего сценария модернизации будет вызывать к жизни такие вот эпифеномены, как «нечистая еда» (например, колбасы, начиненные «может быть собачиной») – и так вплоть до самого низа потенциальной имагологической парадигмы.

Другое перспективное, хотя и частное, наблюдение литературоведа – о музыкальной составляющей «немецкого текста». Здесь германская тяга к музыкальной гармонии как своего рода звуковой математике любопытно со-/противопоставляется итальянскому бельканто, проявлению «чистой» эмоции (см. С. 245). Любопытно в этом контексте выглядела бы конкретизация «австрийского» подуровня общего немецкого свертхтекста, т.к. бесспорны выдающаяся музыкальная культура Австрии, ее соединенность с немецким миром, а также роль культурно-исторического медиатора на оси Германия – Италия.

Исключительно интересен возвращающий нас к только что высказанной мысли о природе русской модерности раздел о «передельвании Другого». В фокусе внимания С.С. Жданова здесь оказывается ассимилятивная способность немецких социальных коллективов, а также логика ее восприятия и образного воспроизведения русскими писателями. Опять-таки автору здесь пригождается блестящая формулировка из упоминавшейся статьи Герцена: «Аракчеев <...> был, так сказать, по службе немец» (С. 281). Причем, разумеется, эта ассимиляция нуждается в понимании ее не в этнических, а именно в социо-исторических координатах.

В заключение позволю себе высказать ряд несущественных замечаний, которые, быть может, будут полезны диссертанту как пример возможной реакции на его труд со стороны филологического сообщества. Нисколько не посягая на полностью находящиеся в ведении автора хронологические рамки его работы, а также состав привлеченных источников, отмечу все же некоторый необъяснимый дисбаланс: например, известный персонаж «Войны и мира» Альфонс Карлыч Берг на страницах диссертации регулярно поминается и весьма интересно анализируется, но вот ключевой для «немецкого текста» герой, даже имя которого референциально отсылает к Германии, пушкинский Германн, с его абсолютно парадигмальным для образа немца девизом («расчет, умеренность и трудолюбие: вот мои три верные карты») упомянут несколько раз бегло, а эта его знаменитая фраза даже целиком не процитирована.

В разделе о «немцах-ученых», который начинается с имени Фонвизина, стоило, весьма вероятно, вспомнить опять-таки основополагающую историю, с которой началась рефлексия русской национальной науки, – вражду Ломоносова с немцами-академиками и слова поэта о «собственных» «Платонах» и «Невтонах». Причём острога, а также фактография этого противостояния вторичны сравнительно с созданной тогда и многократно воспроизведенной впоследствии структурной позицией «самородка», «родоначальника» и «борца с засильем» – в том числе, конечно, немецким.

Перейду к итоговым суждениям. На всех этапах развертывания своего концептуального замысла С.С. Жданов сохраняет предельную близость к текстам-источникам, в числе которых – максимально репрезентативные произведения русской литературы классического периода, в основном относящиеся к жанру травелога. Эта преданность материалу вместе с корректно сформулированными аналитическими подходами обуславливают **высокую степень обоснованности** основных положений, а также частных наблюдений соискателя. Теоретическая состоятельность избранной исследовательской позиции обеспечивает **достоверность** и надежность выводов. Общий филологический уровень представленного труда не позволяет усомниться в его соответствии установленному Положению о присуждении ученых степеней (пункты 9, 10, 11 и т.п.). Диссертация на тему «Пространство Германии в русской словесности конца XVIII – начала XX века» является научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения о двухвековом русско-немецком немецком литературном диалоге, о смысловой природе немецких символично-топографического и этно-бытового субстратов в русской письменной культуре классического периода. Совокупность этих положений можно квалифицировать как научное достижение в современной филологии и важный вклад в актуальную традицию имагологических и компаративных работ. Автор диссертации, Сергей Сергеевич Жданов, вне всякого сомнения, заслуживает присуждения ему ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература.

3 февраля 2020 г.

Анисимов Кирилл Владиславович,
доктор филологических наук (10.01.01 – Русская литература),
доцент, заведующий кафедрой журналистики и
литературоведения федерального
государственного автономного
образовательного учреждения высшего
образования «Сибирский федеральный
университет»
(660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 79,
(391) 206-26-22, (391) 244-86-25;
<http://www.sfu-kras.ru>; office@sfu-kras.ru)

